

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-8-16

EDN: FSOYVG

САКРАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ КАК ПУЛЬСИРУЮЩАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

В.А. Маслова*

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, Московский проспект, д. 33*

Аннотация. Статья посвящена сакральным смыслам как метафизическим сущностям. Цель статьи – показать, что путь к раскрытию тайн смыслов языка и текста – это метафизическое учение о глубинных знаниях в слове. Данные знания позволяют заглянуть в первоосновы бытия и помогают сформировать национально-культурную религиозную личность.

Ключевые слова: метафизическая сущность, сакральность, духовные смыслы

Нынешний век все больше ориентирован на целостное знание о мире, о Боге и человеке, на синтез разных наук, религиозных знаний и культуры, о чем писал Ю.С. Степанов. И здесь необходимо вспомнить слова Л.В. Щербы, который считал, что в мире «нет абсолютных границ», это положение может быть отнесено не только к лингвистике, но и к самому языку. Так, мы видим в последние годы не только расширение границ лингвистики и включение в нее знаний из других наук, но и пульсацию смыслов языковых единиц и выражений, при которой смыслы то рассеиваются вокруг языковой единицы, то сжимаются, почти не оставляя читателю возможного индивидуального видения.

Метафизика языка в современных представлениях – это учение о глубинных знаниях в слове, которые позволяют постичь первоосновы бытия. Как справедливо утверждает Т.Е. Владимирова, «язык и сформировавшийся на его основе образ мира изначально включали в себя отношение к Высшим началам...» [1. С. 67]. Сакральность – тоже метафизическая категория, в которой знания о мире несколько отличны от научного, магического и др. И эти

* E-mail: mvavit@tut.by

знания аккумулированы в языке, хранителе религиозной памяти и духовной культуры. Основу этих знаний составляют результаты сотрудничества и сотворчества Бога и человека в его обращении к Богу с просьбой, Его благодарение и молитвенное славословие. Соответственно, язык здесь предстает как откровение. Посмотрим с этой точки зрения на глубинные смыслы в языке, в том числе на сакральные смыслы в русском языке, в котором они особенно интересны по ряду причин. *Во-первых*, потому что религиозность – одно из доминантных качеств русского национального характера, именно ею определяется целостность нации. Для русских это *не просто вера в Бога, но и особый способ осмысления нацией своего существования, своего места в мире. Во-вторых, ученые давно утверждают, что русский язык – особый среди других европейских языков.* Е.М. Верещагин подчеркивал, что «русский язык настолько пропитан православными реминисценциями, что если возможно, с понятными оговорками, говорить о России как о православной стране, то и о русском языке соответственно следует говорить с теми же оговорками, как о языке православном» [2. С.107].

Цель статьи – показать, что путь к раскрытию тайн смыслов языка и текста – это метафизическое учение о глубинных знаниях в слове, которые позволяют постичь первоосновы бытия и сформировать национально-культурную религиозную личность.

Методы, использованные в статье: как общенаучные – наблюдение и анализ, так и специальные – лингвокультурный анализ текста, интерпретативные и герменевтические приемы.

Материалом для наблюдений стали религиозные, философские и поэтические тексты.

Обсуждение результатов

Ю.С. Степанов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Постовалова, Т.Е. Владимирова, В.М. Мокиенко и другие исследователи показали, что русский язык – основа духовности русского человека, что духовность русского народа формируется и сохраняется благодаря языку, то есть наличию в нем глубинных смыслов, которые руководят формированием системы духовных ценностей языковой личности и ее поведением. Более того, все проявления духовной жизни человека находят отображение в языке, так как дух человека – это основа его личности. Как справедливо утверждает Е.М. Верещагин, «духовность – это состояние личности, которое выражается в гармонии человека и Космоса и даёт ощущение единства с окружающим миром, природой, людьми. Духовность придает смысл нашей жизни» [3. С. 104]. Следовательно, духовность вводит человека в сферу Высшего разума, Бога, который присутствует в душе христианина. Поэтому проблема «русский язык и православие» – это важнейшая проблема для осмысления не только для лингвистов и философов, но и психологов, культурологов, историков, искусствоведов.

Доказательством важности для русских знания о Боге на бытовом уровне является существование большого количества устойчивых выражений со словом Бог (у Даля около 200), в которых не просто фиксируются его различные ипостаси, но показана его сила, любовь к людям и другие его качества.

Например, всевидящее око Бога (*Бог всё видит, от Божьего суда не уйдешь; Без Бога не до порога, а с Богом – хоть за море*), его любовь к людям (*за добро Бог плательщик; кто родителей почитает, того Бог не забывает*), справедливость (*все мы под Богом ходим; перед Богом все равны; тот не унывает, кто на Бога полагает*), строгость (*У Бога палок много; Бог любит смирение*). Выражения с компонентом *Бог* в русской лингвокультуре фиксируют в себе правильное поведение в обществе: *Бог-то Бог, да и сам не будь плох; Бойся Вышнего – не говори лишнего; не бойся никого, кроме Бога одного* и многие другие.

Многое в русской лингвокультуре может быть обозначено выражением *Христос с тобой!* Так, в стихах брата царя Константина Романова оно помогает справиться с тоской разлуки, с радостью неземного счастья и другими сильными чувствами, оно постоянно сопровождает по жизни русского человека, помогая ему справиться с жизненными невзгодами:

*...А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!*

*Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой*

(К.Р., 1886)

Сама Россия – страна незаходящего солнца, потому что, когда солнце заходит в Калининграде, оно восходит во Владивостоке. А Незаходящее Солнце – это одно из имен Бога, которых в Библии насчитывается более 500. И, думается, такие совпадения не случайны.

Господь был с нами на уровне глубинных смыслов даже в жестокие атеистические годы: заставка к телепередаче в «Мире животных», которая шла еженедельно – это переработка Полем Мориа кантаты Аргентинского композитора Ариэля Рамиреса «Наше Рождество», а ведущий этой программы Николай Дроздов – потомок Святителя Филарета Московского (Дроздова). И такая Божья поддержка тоже не может быть случайностью.

Теперь обратимся к поиску в языке сакральных смыслов. Из работ православных философов известно, что идеи вещей есть их смыслы: Бог творил не физический мир, а мир идей, именно в идеях содержалась программа развития всего сущего. Польский философ Л. Колановски относит смыслы к пространству SACRUM. «Человек – единственное существо на Земле, которое обитает еще и в мире смыслов и стремится заглянуть в запредельность Бытия» [4. С. 17].

Интерес к глубинным знаниям и смыслам – важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней. Еще В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за

пределами слова, отметил сокрытость этих смыслов от человеческого рас-судка, при этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятель-ство: язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть [5. С. 378]. Так, библейские притчи содержат глубинную муд-рость: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо «садов живых смыслов» (О. Николаева). Чтение и изучение Библии позволяет понять, что язык притчи более доходчив и дей-ственен, чем обыденный язык. С душой человека Господь говорит на языке притч: «Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Мф. 13, 34–35). Глубинные смыслы имеют не только религиозные притчи, но и притчи вообще. Например: ворона увидела, что люди кормят голубей. И сразу подумала: «Зачем мне жить впроголодь?». Она насобираала голубиных перьев, облепила ими себя и пошла в голубиную стаю. Ходит она среди голубей и вдруг видит пролетающую в небе ворону. Забывшись, ворона закаркала. Хо-зяин голубей, догадавшись о вороньей хитрости, камнями отогнал ворону и более не подпускал её к голубям.

Ворона решила отодрать с себя голубиные перья, но клей оказался креп-ким, и перья никак не отдирались. Пошла ворона к своим воронам. А они тоже, сказав, что голубю нечего делать среди ворон, прогнали её. Так и оста-лась она в одиночестве.

Глубинный смысл этой притчи многолик:

- 1) не нужно завидовать другому, у каждого свой путь;
- 2) каждый должен быть тем, кто он есть и не пытаться выдавать себя за другого. Оторвавшись от своих, можно к ним и не вернуться;
- 3) нужно жить честно, добывая свой хлеб и др.

Уже в начале нашего века было установлено, что познавательные струк-туры личности «уходят неопределенно глубоко в недра... психики, затраги-вая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконстру-ированы... с выходом на концептуальные построения языка» [6. С. 38]. И дей-ствительно, если традиционная лингвистика – это превращение языка из тайны в систему единиц и сеть значений, то тенденции современной лингви-стики – желание посмотреть в обратном порядке – на глубинные основы языка через систему значений и смыслов. Еще в конце прошлого века воз-никла отдельная область знаний – нейролингвистическое программирование, в котором считается, что слова и фразы языка – это поверхностные структуры, которые лишь в самых общих чертах выражают глубинные структуры. Нейролингвистическое программирование занимается «проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и дру-гих функций нервной системы» [7. С. 16].

Почти вся современная семантика глубинна по отношению к поверхност-ным концептуальным структурам языка. Семантика слова иногда произ-вольно меняется людьми. Например, начиная с советского времени, в русской лингвокультуре значение слов *дух* и *духовный* постоянно менялось – от про-стой противопоставленности *телесному* и отождествления с *интеллектуаль-ным* до *духовный* = *религиозный*, то есть связанный со святым Духом, Богом,

Высшим разумом, Вселенной, Мировым разумом и др. Так, общеславянское *duch* пришло в древнерусский язык в XI веке как многозначное: оно означало *разум, нравственную сторону человека, истинный смысл, воздух, душу, сверхъестественное бестелесное существо*. Производные: *духовный, духовой, душный, духота*. Но без сакрального смысла этих слов не понять великой тайны русского человека и его предназначения в мире. С позиции христианства *духовность* неразрывно связана с «внутренним голосом» человека, его совестью, и воплощается в любви к Богу и миру. Слово, с позиции православия, есть орудие и материал Бога-творца. В русском языке довольно много слов и выражений, которые зафиксировали и хранят в себе свет Божий и его энергию: *одухотворённость, светоносность, искромётность, слово – молния* и др. Такое слово в своих глубинах сакрально. Язык позволяет сохранить исчезающую духовность, которая трансцендентна по своей природе: таинственным и непостижимым образом она связана с иным планом бытия [2].

У истоков русского литературного языка, как известно, лежит греческий язык, язык давней культуры и развитой письменности, наследник Античности. Братья Кирилл и Мефодий еще в IX веке выполнили первые переводы с греческого, тем самым подключив русский язык к огромному духовному наследию. Н.С. Трубецкой писал, что «слова церковнославянского происхождения в русском литературном языке составляют чуть ли не половину слов, что делает наш язык стоящим «действительно особняком среди литературных языков земного шара» [8. С. 198]. Поэтому русское слово в большей степени, чем слово другого языка, хранит божественный Логос, оно есть и материал, и орудие творения. И в этом, кроме влияния древнеболгарского (церковнославянского), украшают и облагораживают русский язык греческие слова с первой частью благо- и добро-: *благодать, благополучие, благоговение, добрососедность, добрососедство* и др.

Церковнославянские и греческие вкрапления в русский язык делают его более гибким и богатым, вносят много важных и позитивных понятий. При этом следует отметить, что многие из этих слов переосмысливаются, причём часто так, что их смысл меняется на противоположный. Например, лексема *убогий* – изначально связывалась с выражением *у Бога*. До сих пор во многих молитвах мы просим себе, *убогим*, каких-то благ. Сейчас слово приобрело значение «неполноценный». В 53-м псалме находим: «*Боже, услыши мою молитву, внуши глагол уст моих*» – здесь *внуши* имеет значение «услышь и восприми», а в современном языке возникает элемент значения «заставить». *Прелесть* первоначально – это *пре-лесть*, то есть лесть в высшей степени, что само по себе греховно, но со второй половины XX века *прелестный* – высшая степень *прекрасного*. У лучших представителей русской культуры мы находим старое духовное значение: *прелестный*, по М. Фасмеру, – «прельщающий, обман», по В.В. Виноградову, – греховный. Но здесь все же чудом сохранились глубинные смыслы, именно они объясняют, например, почему мы не можем сказать о мужчине – *прелестный, обольстительный, очаровательный, соблазнительный*? Потому что внутренняя форма этих слов восходит к чарам, колдовству, обману, соблазну. А соблазнительница всё-таки женщина – Ева.

Слово теплый в современном языке означает «нечто среднее между горячим и холодным, умеренно горячее», а ранее понималось как «очень горячее, ревностное». Эти знания необходимы, чтобы понять выражение «теплая предстательница», относимое к Божией Матери.

При этом нужно понимать, что, как только такие слова лишаются ценностных глубинных смыслов, они теряют и выражаемые этими словами понятия, что обедняет не только наш язык, но и нашу жизнь, нашу нравственность.

Даже простые, обыденные названия вещей имеют сакральные глубинные смыслы. Так, *свеча*, с точки зрения поверхностного значения, – «палочка для освещения», а с позиции глубинных смыслов она имеет духовную, сакральную сущность как носитель Божественного света. *Стол* – это не только предмет мебели, но *Божья ладья*, *престол* (пре-стол) с их глубинным сакральным значением. А. Вежбицкая писала, что нужно различать полисемию и неопределенность значения [13. С. 162]. Именно неопределенность значения рождает глубинные смыслы. Многие абстрактные научные понятия имеют одновременно и религиозный (глубинный), и обыденный (или философский) смыслы: *сознание, чувство, мысль, идея, мирозерцание, настроение, истина, идеал, вера, учение, движение, опыт* и др.

Есть три области человеческой деятельности, где чаще и ярче всего являют себя нам глубинные смыслы: это религия, философия и поэзия. Именно эти три области знания пытаются понять духовную сущность человека, которого постоянно влечет к новым знаниям «независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» (Аристотель). Вероятно, глубинные смыслы возникают через связь с бессознательным, поэтому они как бы ориентированы на иную реальность, то есть ирреальны с точки зрения обыденного языкового сознания. Реальность и ирреальное – два дополняющих начала нашего сознания. Они сопричастны любому творческому процессу. Культура, лишенная иррационального, становится антикультурой, считал Ю.М. Лотман [9. С. 93].

Специфика ирреального такова, что она требует не статистических, а герменевтических, интерпретативных методов, то есть это умения задавать вопросы, на которые пока нет ответа, например, для чего мы живем, как познать себя и др.

Подробнее остановимся на поэзии, которую пронизывает попытка проникнуть за пределы реальности, к угадываемой истине. Считается, что поэзия возникла вместе с человеком. Первые авторские стихи датированы XXIII веком до нашей эры. В 1920-х годах английский археолог Л. Вулли нашел полупрозрачный диск из алебаstra: на одной стороне было изображение Энхедуаны, а на второй ее стихи – клинописные гимны в честь богини Инанны. Полностью дешифрованы они были только в 1970-е годы.

В русской поэзии особой внутренней связью с тайным и иррациональным отличались несколько поэтов – Ф. Тютчев, М. Лермонтов, А. Блок, М. Цветаева, Б. Пастернак. В их стихах – озарение, осознание полярности как основы бытия, космический взгляд на мир, тайные знания о Вселенной, преодоление

всяческих пределов и границ. И все это реализуется на уровне глубинных смыслов. Вл. Соловьев говорил о них – «ясновидящие предчувственники христианства». Если функция хорошей поэзии – гармонизировать мир, фиксировать какие-то эмоциональные состояния, в которых читатель угадывает собственные, то у названных поэтов – выйти за пределы реальности, чтобы увидеть иррациональное в мире, обществе, человеческой природе. Вся семантика поэтических текстов за счет глубинных смыслов стремится к расширению, отсюда неоднозначность их прочтения. При этом возникает семантическая «разбежка» между поверхностными смыслами и тем, что действительно имеется в виду, которую Е.С. Кубрякова назвала инференцией [10. С. 51].

В качестве примера приведем стихотворение «Магдалина» из творчества М. Цветаевой. Мария Магдалина – героиня почти всей поэзии Ренессанса. Остались великолепные стихи о ней и многих русских поэтов, например, Б. Пастернака, И. Бродского, который еще и проанализировал стихотворения Рильке, Пастернака и Цветаевой о Магдалине в своей статье «Вершины великого треугольника» [11. С. 235]. У Рильке, считает И. Бродский, – это тема любви и горя, а у Пастернака – способ прийти к вере через любовь, то есть тема религиозного откровения. Самое сильное из трех стихотворений, по мнению Бродского, – цветаевское (третье из триптиха – «О путях твоих пытаться не буду...»). Первых два – более любовные, чем евангельские стихи. Бродский при этом тонко замечает, что «главная заслуга христианства именно в том, что оно сообщило этому чувству метафизическое измерение» [12. С. 48].

Что мы знаем о Марии Магдалине из Библии? «⁵⁹...взяв тело (Иисусово), Иосиф обвил его чистою плащаницею⁶⁰ и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился.⁶¹ Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба» – гласит Библия (Евангелие от Матфея, 27 глава, стих 59–61). Магдалина сидела у гроба Христа, будучи последовательницей его учения.

Приведем стихотворение М. Цветаевой:

*О путях твоих пытаться не буду.
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос –
И – слез.
Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.
Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.
В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.*

– Мироносица! К чему мне мир?
Ты меня омыла,
Как волна.

Смысл данной евангельской истории, согласно Библии, – прощение грешницы. У М. Цветаевой – шире. Ею взята за основу апокрифическая версия события о чисто человеческой любви Магдалины и Христа и встрече их после воскрешения, поэтому Христос говорит: *«Милая, ведь все сбылось...»*. Сказать так можно было только после воскрешения. В его словах, которые и составляют суть стихотворения, есть намек на грешное прошлое Магдалины – *«Не спрошу тебя, какой ценою // Эти куплены масла»*.

Характерная особенность этого стихотворения – полилог Христа, Магдалины и автора. М. Цветаева обращается к Марии Магдалине от имени Христа, который обращается к Магдалине как к последнему собеседнику в этом мире. Его слова полны любви и прощения: *«В волосах своих мне яму вырой, // Спеленай меня без льна»*. Но мы видим и благодарность за любовь: *«Я был прям, а ты меня наклону // Нежности наставила, припав»*.

В этом стихотворении совмещается одновременно несколько смыслов – любви, прощения и благодарности за любовь. По мнению И. Бродского, это и есть формула христианской любви. Переплетены и временные пласты: прошлое (*«Я был наг, а ты меня волною // Тела – как стеною // Обнесла»*), будущее (*«Милая, ведь все сбылось»*). Роль М. Цветаевой как автора – по-женски глубокое проникновение в любящую душу – *«Наготу твою перстами трону // Тише вод и ниже трав»*. Это действительно вершина любви. Так христианская любовь дана нам сквозь призму человеческой любви мужчины и женщины. А женская любовь сродни самообману.

Пытаясь постичь тайны данного стихотворения, мы должны понять, что есть запредельные смыслы, мерцающие сквозь *«поэтическую невнятицу»*, сквозь *«туман нашего незнания»* (В.В. Налимов). Читая это стихотворение, будто погружаешься в какой-то гипнотический процесс – не законченный, вечный.

Вывод. Путь к раскрытию тайн языка, тайн смыслов – это путь современной лингвистики, которая посредством овладения глубинными религиозными и художественными смыслами сможет постичь основы мироздания и сформировать культурную и религиозную личность, потому что систематическое чтение религиозных текстов, например, притч православных старцев и поэзии и восприятие их глубинных смыслов является важнейшим источником формирования религиозной и гуманитарной культуры личности.

Таким образом, синтез языка, религии, науки и искусства издавна наблюдались в русской лингвокультуре. Снятие информационных барьеров между ними ведет к формированию новой системы метафизических знаний, так как обеспечивает многоаспектность при решении наиболее сложных проблем бытия, что способствует получению неожиданных результатов.

Литература

- [1] *Владимирова Т. Е.* Русское слово: феноменологический подход // *Метафизика*. 2023. № 3 (49). С. 67–80.
- [2] *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. академика Ю. С. Степанова. Москва : Индрик, 2005.
- [3] *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические разыскания. Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2014.
- [4] *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов // Библиотека журнала «Путь». Москва : Прогресс, 1993.
- [5] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. Москва : Прогресс, 1965.
- [6] *Берестнев Г. И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков*. Липецк, 2017. С. 7–25.
- [7] *Дилтс Р.* Фокусы языка. Москва, 2019.
- [8] *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой; сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова ; вступ. статьи Н. И. Толстого, с. 5–28, Л. Н. Гумилева, с. 31–54; Австр. акад. наук. Москва : Прогресс : Универс, Б. г. (1995). 797 с.
- [9] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. Москва : Гнозис; издательская группа «Прогресс», 1992.
- [10] *Берестнев Г. И.* Слово, язык и за их пределами : монография / Берестнев Г. И. Калининград : Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2007.
- [11] *Бродский И. А.* Книга интервью. Москва, 2008.
- [12] Бродский И. А. : к 80-летию со дня рождения : библиогр. список / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского, отд. обслуживания ; сост. И. В. Трофимова. Благовещенск, 2020.
- [13] *Мауро Т. Д.* Введение в семантику. Москва : Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.

SACRED MEANINGS AS A PULSING METAPHYSICAL ESSENCE

V.A. Maslova *

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovsky Prospekt, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus*

Abstract. The article is devoted to sacred meanings as metaphysical entities. The article purpose is to show that the path to revealing the meanings secrets of language and text is the metaphysical doctrine of deep knowledge in the word. This knowledge allows one to look into the fundamentals of being and helps to form a national-cultural religious personality.

Keywords: metaphysical essence, sacredness, spiritual meanings

* E-mail: mvavit@tut.by